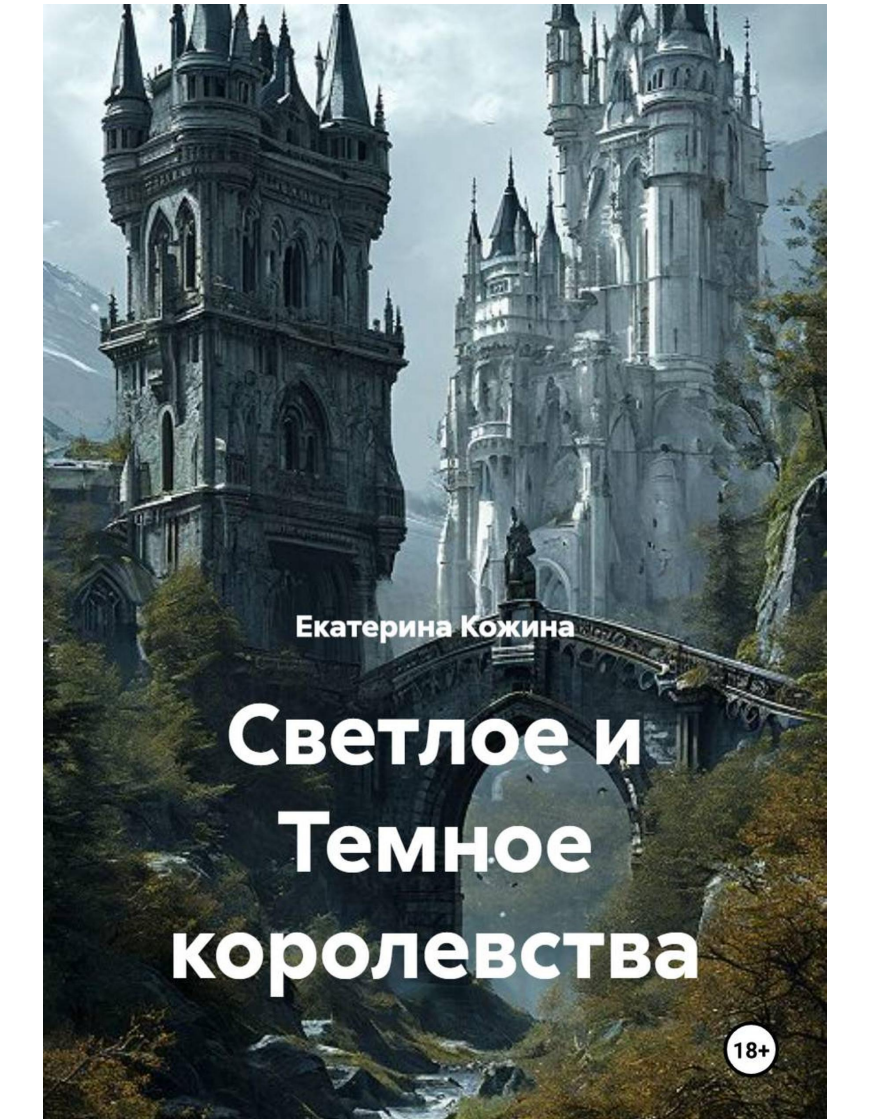

Екатерина Кожина

Светлое и Темное королевства

18+

Екатерина Кожина

Светлое и Темное королевства

<https://litres.ru/74292704>

SelfPub; 2026

Аннотация

Элиза живет в Лучезарном королевстве и верит, что его законы полны справедливости и добра. Но к ней сватается жестокий советник. Спасаясь от свадьбы со злым стариком, девушка бежит в Темное королевство.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Екатерина Кожина

Светлое и Темное королевства

Глава 1

Солнце над Лучезарным Королевством вставало точно по расписанию, утвержденному канцелярией Его Святейшества. Оно заливало золотом белые мраморные мостовые, с которых дворники только что смыли ночную грязь — вместе с тремя уснувшими бродягами, которых вежливо, но твердо выставили за городскую черту, чтобы не портили благочестивый пейзаж.

Над Темным Доминионом, висел точно такой же серый утренний туман. Разница была лишь в том, что местный туман пах не лавандовым мылом, а горелым углем и дешевым элем.

Между ними тянулась Стена. Пять метров серого тесаного гранита. По официальным хроникам обеих сторон — «Непреодолимый барьер между Светом Истины и Бездной Порока».

На вершине Стены, в тени сторожевой башни, сидели двое. На одном была сияющая кираса с выгравированными

крыльями, на другом — шипованный кожаный доспех с черепом на пряжке. Они сидели на перевернутом ящике из-под вяленой воблы и сосредоточенно трясли кожаный стакан.

— Три шестерки, — бросил стражник Света, капитан Люциан, поправляя съехавший набок нимб на шлеме. — С тебя пять серебряных, Маллок.

— У тебя кости святой водой кропленные, не иначе, — проворчал Маллок, стражник Тьмы, выковыривая из кармана погнутые монеты. — Или твоя хваленая праведность позволяет тебе мухлевать с благословения синода?

— Наша праведность, — наставительно поднял палец Люциан, пряча выигрыш в потайной карман, — позволяет нам оптимизировать удачу. Разницу понимаешь? Кстати, твоя жена просила передать, что если ты опять принесешь домой синие нитки из нашего квартала ткачей, она тебя прирежет во сне. Ей нужны были зеленые.

— Так зеленые у вас контрабанда! — возмутился Маллок. — За них пошлина тридцать процентов, как за «товары, искушающие взор тщеславием».

— Ну так зайди через подкоп у третьей опоры, там старый Томас берет всего две медные монеты за проход. Только пригнись, там свод просел после весенних дождей.

Снизу, со стороны Великих Железных Ворот, донесся скрежет. Оба стражника синхронно глянули вниз. У ворот, которые официально открывались раз в столетие для подписания пактов о ненападении, стояла телега. Молодой па-

рень в светлой тунике Лучезарного Королевства пытался протолкнуть через узкую щель в калитке мешок с картошкой. С другой стороны мешок принимал горбатый малый в черном плаще.

— Эй! — крикнул Люциан вниз. — Паршивец! Ты что творишь?

Парень испуганно задрал голову:

— Господин капитан! Я... я несу свет милосердия голодающим братьям во тьме!

— Ты пошлину в казну Милосердия за предельную норму вывоза картофеля заплатил, несущий? — отозвался Люциан. — С тебя две монеты. И скажи этому вон тому, в черном, пусть вернет мою лопату, которую он в прошлый четверг «одолжил для нужд преисподней».

Горбатый во Тьме сплюнул, достал из-за пазухи чистую, явно вымытую лопату и просунул обратно через решетку.

— Держи, святоша. Больно надо. У вас черенки из березы, ломаются на третьем покойнике. Наша лиственница куда надежнее.

Телега покатила дальше. Жизнь у ворот текла своим чередом. Через Стену, в которой за триста лет образовалось одиннадцать лазеек, пять подкопов и одна полноценная нелегальная дверь, замаскированная под плакат «Смерть неверным», ежедневно перемещались тонны грузов. Светлые несли на черную сторону мыло, сушеные травы и сахар. Темные тащили в ответ крепкую выпивку, дешевое железо

и специи, которые в Светлом королевстве были запрещены как «ведущие к мыслям о блуде».

Люциан вздохнул, достал из сумки яблоко, разрезал его пополам кинжалом и протянул половину Маллоку. Тот привычно обтер его об шипы на рукаве и откусил.

— Как там у вас? — спросил Маллок. — Говорят, опять суд над ведьмами?

— Да какой суд, — поморщился Люциан. — Племянница архиепископа решила прибрать к рукам лавку травницы на южной окраине. Объявили, что у травницы кошка слишком черная и взгляд неблагочестивый. Завтра конфискация «в пользу сиротского приюта». Ну, то есть в пользу той самой племянницы. Травница, бедная девка, полночи у меня в караулке проплакала.

— И где она теперь? — прищурился Маллок.

— Да у вас, где еще. Я ее через пятую лазейку перевел перед рассветом. Сказал, пусть идет к лекарю Грюму на Кровавую улицу. Он старый, ему помощница нужна.

— К Грюму? — Маллок усмехнулся. — Ну, Грюм ее, конечно, сначала обругает всеми проклятиями Бездны, заставит три дня мыть котлы из-под яда, а потом выделит лучшую комнату и будет подкармливать пирогами, потому что у самого внука такого же возраста в столице. У нас, знаешь ли, на Кровавой улице порядка побольше, чем в вашем Синоде. У нас если грабят, то честно говорят: «Давай деньги». А у вас сначала три часа молятся за твою душу, а потом забира-

ют дом за долги по праведному налогу.

— Не трави душу, — вздохнул светлый капитан. — Самого тошнит. На прошлой неделе привели парня. Сирота. Украл буханку хлеба в соборе. Так судейские хотели ему правую руку отрубить «во очищение от греха воровства».

— И что?

— Да что-что... Написал в рапорте, что конвой подвергся нападению ужасных тварей Тьмы из-за Стены. Парня якобы утащили в бездну. На самом деле дал ему три медных и пинком отправил через ворота, пока дежурил твой сменщик, ко-сой прохиндей Брэг.

Маллок хмыкнул, дожевывая яблоко.

— Парень, кстати, устроился. В мясную лавку к хрому. Тот его колотит, конечно, фартуком за лень, но кормит три раза в день до отвала. Парень вчера говорил, что ваша «бездна порока» пахнет куда лучше, чем светский приют, где их держали на воде и проповедях.

Над Стеной поднялся легкий ветерок. Из Лучезарного Королевства донесся нежный, мелодичный звон колоколов, призывающий к утренней молитве о смирении. Из Темного Доминиона бабахнул тяжелый гонг, извещающий о начале рабочего дня на рудниках и штрафах за опоздание.

Люциан поднялся, поправил сияющий плащ, который уже слегка запылился от сидения на ящике.

— Ладно, пора идти делать благочестивое лицо. Начальник инспекции обещал пройтись по постам. Будет прове-

рять, насколько истово мы ненавидим порочные создания Тьмы.

— Ага, давай, — Маллок тоже встал, потягиваясь и поправляя португую. — А я пойду доложу коменданту, что мы бдим и готовы в любой момент отразить вероломный удар светлых. Кстати, Люциан?

— Что?

— Моя жена... Если зеленые нитки не найду, моя теща может у вас пожить? Ну, в порядке обмена пленными?

Люциан посмотрел на товарища взглядом, в котором смешались вековая скорбь и истинное христианское сострадание.

— Маллок. Мы, конечно, заклятые враги, и наши королевства разделяет бездна ненависти... Но даже для Темного Властелина твоя теща — это слишком жестокое оружие массового поражения. Я найду тебе зеленые нитки. Сам вынесу.

— Договорились, — ухмыльнулся Маллок.

Они разошлись по разные стороны Стены. Через минуту Люциан уже стоял на посту, гордо выпятив грудь и устремив праведный взор в светлое будущее. А Маллок внизу, у ворот, яростно кричал на проходящих торговцев, требуя уважения к темным силам.

Стена стояла крепко. Она надежно защищала оба королевства от необходимости признать, что люди везде одинаковые.

Глава 2

В столице Лучезарного Королевства, городе Святого Милосердия, праведность была возведена в абсолют, поэтому дышалось там тяжелее. На улицах не пахло элем, зато пахло воском и виной. Каждый житель знал: в Темном Доминионе за Стеной младенцев жарят на вертелах, а вместо чая пьют кипящую серу. По крайней мере, именно об этом каждые выходные кричали уличные проповедники.

Семья ювелира Бертрана жила тихо, исправно платила налог на благочестие и растила дочь Элизу. Элиза была умницей, умела вышивать золотой нитью и три года тайно целовалась за амбаром с сыном булочника, Джулианом. Все шло к свадьбе. Семьи уже договорились о приданом (двенадцать серебряных ложек и три мешка муки высшего сорта), как вдруг на утренней службе Элизу заметил первый советник короля — почтенный лорд Мортимер.

Лорду Мортимеру было под семьдесят. Он состоял из сухих костей, пергаментной кожи и безупречной репутации. Его три предыдущие жены ушли в мир иной «от избытка святости и кротости», как писали в некрологах.

Уже к вечеру сваты булочника были выкуплены, а отцу Элизы намекнули: либо дочь идет под венец с советником, либо ювелирная лавка закрывается за «недостаточное сияние драгоценных камней».

— Джулиан, мы должны бежать! — Элиза сжимала руку возлюбленного в тени ратуши. — Или давай обвенчаемся тайно у бродячего священника!

Джулиан, который еще вчера обещал ради нее свернуть горы, вдруг обрел необычайную бледность и благородство. Он высвободил свои пальцы, поправил кудрявую челку и посмотрел на нее взглядом, полным возвышенной скорби.

— О, Элиза! Мое сердце разбито на тысячи праведных осколков, — красиво заговорил он, глядя куда-то поверх ее уха, прямо на герб министерства налогов. — Но я не могу быть эгоистом. Судьба призывает тебя в высшие сферы. Жертвуя своей любовью, я отпускаю тебя в эту новую, сытую то есть, светлую жизнь. Будь счастлива в чертогах господина советника. Моя любовь станет твоим невидимым ангелом-хранителем.

— Ты просто трусишь, что тебе лавку сожгут? — прямо спросила Элиза.

— Твои слова ранят меня, — кротко вздохнул Джулиан. — Но я прощаю тебя. Иди со светом.

Элиза вернулась домой, заперлась в комнате и решила, что жизнь окончена, но кричать не стала — за громкие крики после девяти вечера полагался штраф.

Накануне свадьбы жених нанес визит. Старик сидел в гостиной, пил разбавленное миндальное молоко и рассматривал Элизу сквозь лорнет, словно лошадь на ярмарке.

— Дитя мое, — проскрипел он, улыбаясь фиолетовыми

деснами. — В моем доме царит строгий порядок. Никаких вольностей. Мои покойные супруги были образцами тишины. К слову, их комнаты я оставил в первозданном виде. На стенах — портреты грешников в адском пламени, очень отрезвляет по утрам. А в подвале у меня хранится прекрасная коллекция ортопедических корсетов для исправления осанки. И плети из воловьей кожи для обуздания гордыни. Чисто в профилактических целях, разумеется. Свет требует жертв.

Когда Мортимер ушел, оставив после себя запах нафталина и сушеной лаванды, у Элизы мелко затряслись поджилки. Жить в комнате с портретами грешников и корсетом для гордыни ей не хотелось.

В два часа ночи, когда городские часы пробили время третьей стражи, Элиза связала в узел сменное платье, три серебряных ложки (которые лично натирала до блеска) и остаток маминого черничного пирога. Она выскользнула через окно.

Но у первого советника везде были глаза. Уже на выезде из города ее карету перехватили. Элиза выпрыгнула на ходу, порвав подол, и бросилась в лес. Она бежала два дня. Стоило ей остановиться в какой-нибудь придорожной таверне, чтобы съесть миску жидкой овсянки, как на пороге возникали слуги Мортимера в белых ливреях.

— Госпожа Элиза, его светлость беспокоится о вашем душевном здоровье! — вежливо кричали они, выламывая дверь в свинарник, где она пряталась.

Она бежала дальше. Ноги стерлись в кровь, светлое платье превратилось в серую половую тряпку, в волосах запутались еловые шишки, а черничный пирог давно закончился. Силы таяли. Морально она была уничтожена: любимый оказался поэтичным трусом, родители не защитили, а святой город обернулся охотничьим капканом.

К исходу третьих суток, тяжело дыша и спотыкаясь о корни, Элиза вышла к опушке. Перед ней выросла серая громада. Десятиметровая гранитная Стена. Та самая.

Позади, в лесной чаще, уже слышался лай гончих псов советника и благочестивые ругательства его гвардейцев.

«Все, — подумала Элиза, прижимаясь спиной к холодному камню Стены. — Конец. Раз у нас, в царстве добра, меня хотят сгноить в подвале с корсетами значит, мир устроен именно так. Пойду к настоящему злу. Пусть меня лучше зажарят на вертеле и выпьют мою кровь. По крайней мере, это будет честно. Без миндального молока и цитат из писания».

Она огляделась и заметила между кустами папоротника подозрительную дыру под основанием Стены. Из дыры отчетливо пахло жареным луком и табачным дымом.

Элиза, не раздумывая, встала на четвереньки и полезла в подкоп, таща за собой узелок с тремя ложками.

На той стороне, прямо у выхода, на складном стульчике сидел Маллок. Он чистил ногти длинным кинжалом и пил эль из глиняной кружки. Услышав шорох, он опустил взгляд вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.